

Мария Ламм / Maria Lamm

незалежны даследчык / independent researcher

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3643-5052>

e-mail: lamm.maria@yandex.ru

Рецепция античности в творчестве авторов литературного объединения «Беловежа»

Reception of antiquity in the works of the authors of the «Białowieża» literary group

Recepcja starożytności w twórczości autorów stowarzyszenia literackiego «Białowieża»

Рэцэпцыя антычнасці ў творчасці аўтараў літаратурнага аб'яднання «Белавежа»

Рецепция античности – один из наиболее распространенных процессов в европейских литературах на протяжении их многовековой истории, присутствует она и в белорусской литературе. Само понятие литературной традиции еще со времен средневековья часто раскрывается именно через соотнесение с классическими метакодами – библейским и античным – как с первообразом и образцом. Письменная традиция белорусской литературы прерывалась, новая литературная традиция возникла и развивалась в XIX–XX вв., в эпоху бурных эстетических поисков и взрывного развития поэтики на глобальном уровне: появлялись новые подходы и эстетические направления, социальные перемены стали мощнейшим стимулом для развития художественного слова.

Еще в XIX в. определились два основных направления развития белорусской литературы, которые условно можно обозначить как народное, опиравшееся в своем развитии преимущественно на фольклор, и книжное, преимущественно оперировавшее метакодами классической культуры. Один из наиболее ярких авторов второго направления – Максим Богданович – полагал, необходимыми условиями развития белорусской литературы эстетизацию и европеизацию [Грымута 2009: 31]¹, в частности – обращение к античным образцам как на уровне поэтики, так и на уровне образности. При этом исследователи отмечают, что «восхищение античной культурой соединялось у Максима Богда-

¹ Здесь и далее перевод цитат мой. – М. Л.

новича с любовью к Родине, фольклорному наследию» [*Матыўная прастора...* 2009: 24]. В начале XX в. в творчестве М. Богдановича складывалась новая для белорусской литературы модель рецепции античных образов и сюжетов, объединившая книжное и народное начала. Светлана Грымута выделяет три основных направления рецепции античности:

- ретрансляция образов древнего мира;
- освоение и трансформация жанров и стихотворных размеров античности;
- перевод [Грымута 2009: 31].

В понимании М. Богдановича античность представляла собой «не только образец красоты и гармонии, школу поэтической культуры, но и универсальную матрицу человеческого бытия» [Сузько 2008: 9]. Хотя подобная эстетизация культуры не стала основным направлением развития белорусской литературы XX в., рецепция античности оставалась достаточно значимой. Поиск баланса между своим и чужим, исконным и заимствованным был одной из наиболее актуальных проблем поэтики белорусской литературы в XX в. С одной стороны, как отмечает С. Грымута, «обращение к культурно-эстетическим достижениям древних Греции и Рима было оправдано в условиях ускоренного развития белорусской художественной литературы в начале XX в.» [Грымута 2009: 35]. Подобное освоение традиций классических литератур продолжает традиции белорусской литературы XIX в. С другой стороны – развитие идей национального Возрождения, а также новая постреволюционная реальность требовали поиска нового – самобытного пути развития.

Рецепция античности в таких условиях могла восприниматься как проявление реакционных взглядов или влияния чужой культуры. Как пишет об этом Елена Сузько, «довольно противоречивым и настороженным было восприятие культурного опыта Античности в 20–30-х гг. Представители пролетарской поэзии мечтали о создании абсолютно новой литературы без опоры на прежние эстетические и художественные достижения человечества» [Сузько 2008: 12]. Необходимо также отметить, что развитие белорусской литературы в XX в. в силу культурных и исторических обстоятельств не было однородным. Восточнобелорусская литература с 1920-х гг. развивалась в контексте и в диалоге с советской литературой, западнобелорусская до начала Второй мировой войны – в контексте и диалоге с польской, после 1939 г. – с советской. Однако белорусские центры оставались также и на территориях, не вошедших в состав БССР после Второй мировой войны.

Развитие белорусского художественного слова на территории Польши после Второй мировой войны связано с деятельностью литературного объединения «Белавежа», основанного в 1958 г. В статистическом отношении на протяжении четырех десятков лет деятельности литературного объединения «на его горизонте появилось более ста разных по уровню таланта, трудолюбия и степени образованности авторов стихов, лирической прозы, рассказов, повестей, пьес, очерков, репортажей, фельетонов» [Чыквін 1997: 116]. Хотя творчество каждого из них уникально и своеобразно, можно выделить некоторые общие особенности развития образности и поэтики. Как и для белорусских писателей в БССР, рецепция античности сперва не являлась центральным приемом для «беловежцев». Хотя эта тема систематически возникает в творчестве отдельных писателей, нельзя сказать, чтобы она была общей для творчества всех авторов литературного объединения. Тем не менее, рецепция античности присутствует в творчестве представителей разных направлений развития белорусской литературы, принадлежащих к различным поколениям. Не претендуя на полный охват всех авторов и их произведений, в данной статье рассматривается рецепция античности в творчестве Яна Чиквина, Сократа Яновича, Михала Андросюка и Миры Лукши.

Античность является одним из структурообразующих культурных метакодов, но обращение к нему для творчества беловежцев нехарактерно, подобные образы остаются на периферии эстетического пространства. Гораздо более распространен религиозный метатекст, связанный как с православным или католическим кодом, так и с общехристианской парадигмой в целом. Вероятно, сравнительная редкость рецепции античности связана с положением белорусов в качестве этнического меньшинства. Европейская культура основывается на образах античности, со времен эпохи Возрождения это неотъемлемый маркер образованности, но на уровне национальных мифологий в регионе античность связана с классическим образованием, которое в течение долгого времени было для белорусов недоступно, в художественной литературе эти образы семантически связаны с этнически чуждым пластом образованного большинства – преимущественно польскости [Бядуля 2006: 444].

Переосмысление античности происходит в контексте переосмысления эстетической традиции в связи с Перестройкой в конце 1980-х. Именно в этот период в западнобелорусской литературе по обе стороны границы актуализируется тема Великого княжества Литовского, которая прежде разрабатывалась преимущественно восточнобелорусскими авторами, в первую очередь Владимиром Короткевичем. В этот же период в творчестве «Беловежцев» появляется прежде практически

отсутствующая в художественных текстах рецепция античных образов. Как отмечает Леонид Барщевский, актуализация античных образов происходила, когда «необходимо было преодолеть духовную стагнацию в обществе, преодолеть цинизм и мракобесие» [Барщчэўскі 1995: 106]. Перестройка, постчернобыльский и, позднее, постсоветский аксиологический кризисы вероятно привели к актуализации прежде забытых метакодов классической культуры.

Античные образы используются авторами для описания родного края. В миниатюре Сократа Яновича *Мой малый генезис* античная Греция изображается источником лета для Крынок – родного городка писателя: «азіяцкія аднак тут зімы, хоць лета час-часом залятае сюды ад Элады» [Яновіч 1999: 6]. Попытка сравнения окружающего пространства и идеальной Эллады получается у Яновича довольно сатирической «Мікраполісны гімназіён» [Яновіч 1999: 6], ученики которой «чулі нават пра Сакрата ды ягонага вучня Платона» [Яновіч 1999: 6], Белосток, их город, в этой миниатюре изображается центром мира: «Горадзен іх – Беласток, у нечым кшталтам Афінаў з графаманскім падабенствам Акропалю <...>. Жывецца, вось, бы запацеламу Сізіфу пад гарою» [Яновіч 1999: 6]. Как и многие «городские» тексты Яновича, миниатюра отличается сатирическим пафосом.

Критики неоднократно отмечали в прозе Яновича «мотив авторской как бы нелюбви к своим персонажам» [Васючэнка 2003: 104], присутствует он и в этой миниатюре. Категории античной культуры, как знаки цивилизации, противопоставлены «варварству» местных жителей, что подчеркивается образом «чужого» лета, «залетевшего сюда из Эллады». Однако это особенность авторского мировидения, обусловленная в значительной степени спецификой регионального быта. Подобная горечь восприятия реальности встречается и в творчестве Я. Чиквина: «Гарадок на ўскраіне вёскі – / Месца жывога бывання. <...> паядае дзяцей сваіх Кронас, / Тутэйшым жыццём узгадываных» [Чыквін 2002: 47], но в целом такие пути рецепции античности в его творчестве нехарактерны. В поэзии Я. Чиквина образ Эллады несколько ироничен, связан со светлой мечтой и милыми сердцу миражами: «Ноч – шчаслівае жыллё! / Без бяды клубіцца радасць. / Вабіць пышнасцю яно здалёк, / Быццам даўняя Элада» [Чыквін 2002: 66].

Для поэтизации образа Родины в творчестве «беловежцев» чаще используется библейский метакод, иногда описывая реальность практически в тех же выражениях, что и в античном тексте. Для примера можно вспомнить стихотворение Н. Артимонович *у Бельску старая музыка...*, в котором представлен похожий на изображенный в миниатюре С. Яновича образ лета, но уже в категориях христианского метатекста: «у Бельску старая музыка / лагодны час – лета / забытая царква / дай-

сці да Першага слова малітвы» [Артымовіч, Разанаў 1994: 63–64]. В эссе-комментарии к этому стихотворению А. Рязанов раскрывает значение этих образов так: «Бельск узнік з музыкі, музыка яго прааснова, але для таго, каб яна змагла выявіцца і загучаць, у Бельску мусіць быць адпаведная пара: лета. Лета – раўнавага між тым, што было, і тым, што ёсць: даўно мінулыя з’явы знаходзяць у ім свой дом, сваю жывую вечнасць. <...> *Першае слова малітвы* – гэта таксама музыка, але музыка, якая не прыналежыць часу; гэта таксама царква, але царква, якая не прыналежыць месцу; гэта таксама лета, але – якое ніколі не мінае» [Артымовіч, Разанаў 1994: 63–64]. Хотя категории метатекста различны – их объединяет лишь принадлежность к классической культуре – в обоих случаях присутствует восприятие лета как мифологической целостности пространства и времени, человека и культуры.

Одним из центральных античных сюжетов в творчестве «беловежцев» является мотив странствий Одиссея, он упоминается в текстах авторов разных поколений, присутствует у Я. Чиквина, С. Яновича и М. Лукши. Каждый из авторов по-разному переосмысливает этот античный сюжет. Наиболее классический вариант обращения к античной символике можно видеть в творчестве Я. Чиквина. В стихотворении *Адысей і Наўзікая* присутствует и адаптация для белорусского языка древнегреческого гекзаметра, и довольно точная ретрансляция мифологического сюжета. Философская аллегория мифа разворачивается в пространстве идеального пейзажа, ее связь с окружающей поэта реальностью полностью уозрительна «Ў прыбярэжным трысці змораны спаў Адысей. / А ў той час на той бераг рабыні прыйшлі і паселі, / Каб глядзець, як ідзе па пяску нібыта музыка жывая, <...> Царэўна іх, багіням роўная, раздзета Наўзікая» [Чыквін 2002: 7]. В стихотворении пересказывается мифологический сюжет, на знаковом уровне не имеющий отношения к современности, но, подобно рассмотренным выше стихотворениям, в нем есть «ожившая музыка».

Однако настолько классическая рецепция античности в творчестве беловежцев довольно редка. Чаще авторы переносят образы античного мира в окружающую их реальность, пытаются осмыслить родные города и деревни в категориях древней мифологии. Подобное изображение пространства можно видеть в стихотворении М. Лукши: «Павесілі на сцяне нашага вакзала / ўсе расклады да дабра і зла. / Але ўсё ж ніхто не ведае дарогі / да сівелай Ітакі, / што ляжыць у аблагах» [Лукша 2017: 5]. Мотив невозделанной земли, несозданного среди бесконечных возможностей перекликается с мотивом тщеты усилий, а изображение Родины с аллегорическим изображением жизненного пути человека.

Подобное раскрытие образа повседневности присутствует в стихотворении Я. Чиквина *Бачыць свет*. Стихотворение очень лирическое «Свет наш – родная зямля! / Поле, лес, рака, дарога <...> Бачыць свет, жывы і каляровы, / Як мы з мамай сцежкаю ідзём – / Нам адсюль ваколіц дах відзён, / Краявіды нашай, чалавечай долі. / Разлівае дзень маўклівае святло, / А нябёсы – чысціню трывогі... / Смерці анідзе ніякай не было, / А была ў жыццё шырокая дарога – / Пад адкрытым небам / ў свеце Пталамея» [Чыквін 2015: 82]. Птолемей – античный философ, географ, астроном и математик, помимо всего прочего является автором геоцентрической модели мира, опровергнутую позднее польским ученым Николаем Коперником, который математически обосновал гелиоцентрическую систему. Упоминание этого имени символически отсылает к воплощенной древности, вечности, к существованию лирического героя в непреходящем, в том далеком мире, где труды Н. Коперника еще не опубликованы.

Аналогичным образом происходит осмысление античных категорий можно видеть и в миниатюре С. Яновича *Адyseя паўмешчаніна*¹ описан жизненного пути зажиточного и трудолюбивого человека: «Яму зайздросцяць: пабудаваў сабе жыццё! Ён купляў цэглу за цэглай, вымураўваў паверх за паверхам, бачыў усё далей і глядзеў радасней» [Яновіч 1995: 48]. Интересно, что сборники М. Лукши *Радаслоў* и С. Яновича *Лістоўе* двуязычны. Хотя у этих авторов языки творчества – белорусский и польский, билингвальные сборники они выпускают нечасто.

Сатирический и даже сниженный бытовой контекст обращения к категориям античной культуры характерен для творчества С. Яновича. Среди авторов молодого поколения такое восприятие реальности появляется у М. Андросюка, хотя пафос его творчества скорее ироничен, чем сатиричен. Античные сравнения порой возникают в сценах, напоминающих рассказы Николая Гоголя: «Калі б нос Клеопатры быў крышку даўжэйшы, хто ведае, у якім напрамку пайшла б гісторыя чалавецтва» [Андрасюк 2004: 38]. Такое осмысление мифа в категориях народной смеховой культуры обеспечивает его символическое присвоение. Как писал об этом Михаил Бахтин, «смех уничтожает страх и пиетет перед предметом, перед миром, делает его предметом фамиллярного контакта и этим подготавливает абсолютно свободное исследование его» [Бахтин 1986: 411]. Подобная фамиллярность свойственна творчеству С. Яновича и М. Андросюка, но совершенно нехарактерна для Я. Чиквина и М. Лукши.

¹ Миниатюра впервые опубликована в дебютном сборнике *Загоны* (1969). Один из редких примеров рецепции античности до 1980-х.

Встречаются также упоминания мифологической географии древнего мира, символически указывая на современность, наделяя ее мифологическими категориями. В стихотворении М. Лукши идеальное мифологическое пространство противопоставляется реальности «Кле-псідра / што ж я страціў / толькі адно жыццё <...> і цяпер прашу / кропельку вады / прахожы / і нічога не кажы / Спарце» [Лукша 2017: 15]. Эта незримо присутствующая Спарта открывает образный ряд романтического двоемирия, пространств, сосуществующих неслиянно. Клепсидра – объект материального мира – становится целокупным образом. Подобную целокупность можно также видеть в стихотворении Я. Чиквина *Насільчык амфары*, где уже ушедший XX век сравнивается с сосудом с вином: «Далёкае дваццатае сталецце! / Яно як сон, якога немагчыма расказаць <...>. Яно было жыццём маім. Яго я нёс / Ё сабе, як ё амфары каштоўнае віно» [Чыквін 2002: 37]. А в стихотворении *Сучасная Ніке* возникает противопоставление реального и идеального миров: «Меднавалася Ніке ішла прада мной. / Яе шавялюра дымлілася пахам маёй даўняй спадзевай, / Што ёсць іншы свет, недзе там, за сёмай ракой: / Рухліва-прынадны і першаісна-босканпеўны, / Дзе ў жывых кругах нагрэтага святла / Расхінутыя свету падзіцячы душы; / Куды, аднак, ніколі не ступіць мне, нават ё снах» [Чыквін 1997: 21].

Связь мифологического и реального пространства можно видеть также в стихотворениях Я. Чиквина. Поэт призывает «Радуюся ўсяму на свеце, / У жыцці бываючы неспадзяваным госцем. / І, праходзячы праз Стыкс па мосце, / Бачым найвыразней часу вецер» [Чыквін 1989: 57]. В поэзии Я. Чиквина разделение мифологической географии и древнего мира происходит наиболее лирично: «Дзе Рым, дзе Крым, а дзе мая айчына! / Дзяцінства босае, замурзанае лета, / Святая студня з жураўлём ўспамінаў, / Сезам, дзе ўсё маё ляжыць ў фрагментах» [Чыквін 1989: 6]. Но непреодолимая дистанция между идеальной целостностью мифа и реальностью для поэта не так уж непроницаема. Во всяком случае, она более преодолима, чем в сатирическом пафосе миниатюр С. Яновича.

В стихотворении Я. Чиквина *Плач Яраслаўны* введение в текст образов античной мифологией связано с образом смерти. В первых трех строфах раскрываются категории древнерусского эпоса. Но после слов «Твой конь спыніўся над ракой Каялай» [Чыквін 1989: 50–51] происходит символический переход в царство мертвых: «Ён воду піў – вада спрыяла. / Твой конь спаткнуўся над ракою Лётай / Ён хроп і гроб зямлю капытам гэтак, / Як быццам бы заглянуў у вочы смерці» [Чыквін 1989: 50–51]. Спустя две строфы повторяется строка «Твой конь спыніўся над ракой Каялай» [Чыквін 1989: 50–51], а затем князь встре-

чається с богинею возмездия «Стаіць над князем Немезіда, / І меч ў руцэ блішчыць варожа. / Ад гэтай помсты ўцячы ніхто не зможа!» [Чыквін 1989: 50–51]. Но подобные смешения контекстов в творчестве поэта возникают нечасто.

Характерным для творчества Я. Чиквина является философское осмысление бытия в мифологических категориях. Это глубокие общеполитические вопросы, не связанные с региональным или национальным контекстом. В таких стихотворениях Я. Чиквина иронии нет: «Не ведаем – стаецца штó без нашага ўдзелу, / Без волі нашай. Часта так сабе сказаўшы слоўка, / Здаецца, мімаходзь, у лёгкую хвіліну, / Здзіўляемся, калі і след даўно той думкі згінуў, / Як слова наша раптам стала цэлам – / І нібыта з вады Гаргона з’явіцца якая ці Афін» [Чыквін 2015: 57]. В стихотворении «Акрамя сну ў Адыеся ўсё забрала прагнае мора. / І рабыні ўскрыкнулі, калі ён з’явіўся ім голы» [Чыквін 2002: 7]. В стихотворении *Фаўн*: «Я памёр бы ў свеце такім, каб жыў! / А не жыў – бо быў толькі сведкам жыцця» [Чыквін 2015: 102].

С. Янович и Я. Чиквин принадлежат к одному поколению писателей, в своем творчестве каждый из них реализовал одно из двух направлений развития белорусской литературы. С. Янович стремился к простоте образа, поэтизируя быт белорусской деревни. Я. Чиквин был и оставался классическим писателем-книжником, именно в его творчестве рецепция античности наиболее разнообразна, лирический герой может действовать как в идеальном пространстве мифа, как это было в стихотворении *Адысей і Наўзіка*, так и в современности *Сучасная Ніке*. В художественном пространстве одного стихотворения могут смешиваться категории разных мифологий: античной и славянской *Плач Яраслаўны*. Такое осмысление исследователи отмечали в поэтике творчества М. Богдановича, подчеркивая значимость «не только освоение <...> сокровищ древнего мира, но и оригинальную трансформацию образов, жанров и поэтических измерений античности. Активное использование образов древней (а также библейской, славянской) мифологии, обращение к самобытным, архаичным формам <...> свидетельствовали о своеобразии культурного типа мышления» [Грымута 2009: 35]. В творчестве представителей следующего поколения – М. Лукши и М. Андросюка – рецепция античности встречается реже, однако обращение к этим сюжетам подчеркивает животворящую силу мифа [Грымута 2009: 35].

В творчестве авторов литературного объединения «Беловежа» рецепция античности встречается нечасто. Она возникает не у всех писателей и лишь в творчестве Я. Чиквина является одной из центральных. Тем не менее, с конца 1980-х гг. в белорусской литературе Белосточкины эта тема присутствует и развивается, как и в бело-

русской литературе начала XX в., в двух основных направлениях: классическом (Я. Чиквин, М. Лукша), направленном на эстетизацию реальности, и народном (С. Янович, М. Андросюк), где осмысление мифологий древнего мира происходит в контексте соотнесения с народной культурой. Рецепция античности в творчестве «Беловежцев» представляется попыткой преодоления национальных и культурных стереотипов, частью долгого и сложного пути к взаимопониманию между народами региона.

Библиография

- Androsiuk Mihal. 2004. *Mâscovaâ gravitacyâ*. Białystok: Belaruskae litaraturnae ab`adnanne Białowieża [Андросюк Міхал. 2004. *Мясцовая гравітацыя*. Беласток: Беларускае літаратурнае аб'яднанне Белавежа].
- Artymowicz Nadzieja, Razanau Aleś. 1994. *Dzvery. Tèkst i kantèkst*. Białystok: Belaruskae litaraturnae ab`adnanne Białowieża [Артымовіч Надзея, Разанаў Алякс. 1994. *Дзверы. Тэкст і кантэкст*. Беласток: Беларускае літаратурнае аб'яднанне Белавежа].
- Barszczewski Leanid. 1995. *Litaratura Starażytnaga Ryma "Rodnae slova"* № 9: 100–107 [Баршчэўскі Леанід. 1995. *Літаратура Старажытнага Рыма "Роднае слова"* № 9: 100–107].
- Bahtin Mihail. 1986. *Ėposi roman (O metodologii issledovaniâ romana)* (392–427). U: Bahtin Mihail. *Literaturno-kritičeskie stat'i*. Moskva, Hudožestvennaâ literatura [Бахтин Михаил Михайлович. 1986. *Эпос и роман (О методологии исследования романа)* (392–427). У: Бахтин Михаил Михайлович. *Литературно-критические статьи*. Москва, Художественная литература].
- Bâdulâ Zmitrok. 2006. *Tèatr i vyhavanne mas (Ėtapy razviccâbelaruskaga tètatra)* (442–445). U: Bâdulâ Zmitrok. 2006. *Vybranyâ tvory. Minsk* [Бядуля Змітрок. 2006. *Тэатр і выхаванне мас (Этапы развіцця беларускага тэатра)* (442–445). У: Бядуля Змітрок. 2006. *Выбраныя творы*. Мінск].
- Czykwin Jan. 1997. *Dalëkiâ i blizkiâ. Belaruskîâ pis'menniki zamežža*. Białystok: Belaruskae litaraturnae ab`adnanne Białowieża [Чыквін Ян. 1997. *Далёкія і блізкія. Беларuskія пісьменнікі замежжа*. Беласток: Беларускае літаратурнае аб'яднанне Белавежа].
- Czykwin Jan. 2015. *Zdarylasâ byc'. Liryka. Proza*. Białystok: Belaruskae litaraturnae ab`adnanne Białowieża [Чыквін Ян. 2015. *Здарылася быць. Лірыка. Проза*. Беласток: Беларускае літаратурнае аб'яднанне Белавежа].
- Czykwin Jan. 2002. *Krëjdavae kola*. Białystok: Białystok: Belaruskae litaraturnae ab`adnanne Białowieża [Чыквін Ян. 2002. *Крэйдавае кола*. Беласток: Беларускае літаратурнае аб'яднанне Белавежа].
- Czykwin Jan. 1997. *Svet peršy i apošni*. Białystok: Belaruskae litaraturnae ab`adnanne Białowieża [Чыквін Ян. 1997. *Свет першы і апошні*. Беласток: Беларускае літаратурнае аб'яднанне Белавежа].
- Czykwin Jan. 1989. *Svetly mlg. Minsk, Mastackaâ litaratura* [Чыквін Ян. 1989. *Светлы мlg*. Мінск, Мастацкая літаратура].
- Grymuta Svâtlana. 2009. *Rëcëpcyâ antyčnasci ŭtvorčasci Maksima Bagdanoviča i Mikoly Žërava*. "Vesnik Belaruskagadzâržaŭnaga univërsitëta. Seryâ 4, Filalogiâ. Žurnalistyka. Pedagogika" № 1: 31–36 [Грымута Святлана. 2009. *Рэцэпцыя антыч-*

- насці ў творчасці Максіма Багдановіча і Міколы Зэрава. "Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка" № 1: 31–36].
- Janowicz Sakrat. 1999. *Zapisy veku*. Białystok: Belaruskae litaraturnae ab`adnanne Białowieża [Яновіч Сакрат. 1999. *Запісы веку*. Беласток: Беларускае літаратурнае аб'яднанне Белавежа].
- Janowicz Sakrat. 1995. *Listowie*. Białystok: Belaruskae litaraturnae ab`adnanne Białowieża [Яновіч Сакрат. 1995. *Лістоўе*. Беласток: Беларускае літаратурнае аб'яднанне Белавежа].
- Łuksza Mira. 2017. *Rodosłów*. Warszawa: Wydawnictwo Książkowe IbiS [Лукша Міра. 2017. *Радаслоў*. Warszawa: Wydawnictwo Książkowe IbiS].
- Matyŭnaâ prastora belaruskaj litaratury pačatku XX stagoddzâ: managr. 2009. Rêd. Ĭ.V. Žuk. Grodna: GrDU [Матыўная прастора беларускай літаратуры пачатку XX стагоддзя: манагр. 2009. Рэд. І.В. Жук. Гродна: ГрДУ].
- Suz'ko Alena. 2008. *Antyčnasc' u belaruskim kantëksce: antyčnyâ vobrazy i matyvy ŭ paëzii Maksima Tanka: managrafiâ*. Mazyr: MDPU imâ Ĭ.P. Šamâkina [Сузько Алена. 2008. *Антычнасць у беларускім кантэксце: антычныя вобразы і матывы ў паэзіі Максіма Танка: манаграфія*. Мазыр: МДПУ імя І.П. Шамякіна].
- Vasûčëнка Pëtr. 2003. *Abrysny mastackaga svetu Sakrata Janowicza (hranator, ironiâ, simval)*. "Tërmapily" № 7: 102–108 [Васючэнка Пётр. 2003. *Абрысы мастацкага свету Сакрата Яновіча (хранатоп, іронія, сімвал)*. "Тэрмапілы" № 7: 102–108].

ABSTRACT: The article is devoted to the study of the reception of antiquity in the works of Belarusian writers in Bialystok. The main directions of the reception of antiquity in the Belarusian literature of the twentieth century, the productive models of the appeal of Belarusian authors in Poland to the comprehension of classical metacodes are considered. The topic of antiquity is not the main one for the work of Bialystotsky authors, thanks to this it was possible to expand the coverage of authors, analyze the work of writers belonging to different generations and characterize two characteristic directions of the reception of antiquity: folklore and book, based on two ideas about the development of Belarusian literature. The reception of antiquity is regarded as an important part of the Belarusian-Polish interethnic and intercultural dialogue.

KEYWORDS: Classical antiquity, Sokrat Janowicz, Michał Androsiuk, Jan Czykwin, Mira Łuksza, classical metacode, dialogue of cultures.

STRESZYCZENIE: Artykuł poświęcony jest badaniu recepcji starożytności w twórczości pisarzy białoruskich w Białymstoku. Rozważane są główne kierunki recepcji antyku w literaturze białoruskiej XX wieku, produktywne modele apelu autorów białoruskich w Polsce do rozumienia klasycznych metakodów. Temat starożytności nie jest głównym tematem twórczości białostockich autorów, dzięki temu udało się rozszerzyć zasięg autorów, przeanalizować twórczość pisarzy należących do różnych pokoleń i scharakteryzować dwa charakterystyczne kierunki recepcji starożytności: folklor i książka, oparta na dwóch koncepcjach rozwoju literatury białoruskiej. Recepcja starożytności jest uważana za ważną część białorusko-polskiego dialogu międzyetnicznego i międzykulturowego.

SŁOWA KLUCZOWE: Starożytna Grecja, Sokrat Janowicz, Michał Androsiuk, Jan Czykwin, Mira Łuksza, klasyczny metakod, dialog kultur.

РЕЗЮМЕ: Статья посвящена изучению рецепции античности в творчестве белорусских писателей Белостока. Рассматриваются основные направления рецепции античности в белорусской литературе XX в., продуктивные модели обращения белорусских авторов в Польше к осмыслению классических метакодов. Тема античности не является основной для творчества белостоцких авторов, благодаря этому была возможность расширить охват авторов, проанализировать творчество литераторов, принадлежащих к различным поколениям и охарактеризовать два характерных направления рецепции античности: народно-фольклорное и книжное, основывающихся на двух представлениях о пути развития белорусской литературы. Рецепция античности рассматривается как важная часть белорусско-польского межнационального и межкультурного диалога.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Античность, Сократ Янович, Михал Андросюк, Ян Чиквин, Мира Лукша, классический метакод, диалог культур.

РЭЗЮМЭ: Артыкул прысвечаны вывучэнню рэцэпцыі антычнасці ў творчасці беларускіх пісьменнікаў Беластоцчыны. Разглядаюцца асноўныя напрамкі рэцэпцыі антычнасці ў беларускай літаратуры XX ст., прадуктыўныя мадэлі звароту беларускіх аўтараў у Польшчы да асэнсавання класічных метакодаў. Тэма антычнасці не з'яўляецца асноўнай для творчасці беластоцкіх аўтараў, дзякуючы гэтаму была магчымасць пашырыць ахоп аўтараў, прааналізаваць творчасць літаратараў, якія належаць да розных пакаленняў і ахарактарызаваць два характэрныя кірункі рэцэпцыі антычнасці: народна-фальклорны і кніжны, якія грунтуюцца на двух уяўленнях аб шляхах развіцця беларускай пісьменнасці. Рэцэпцыя антычнасці разглядаецца як важная частка беларуска-польскага міжнацыянальнага і міжкультуранага дыялогу.

КЛЮЧАВЫЯ СЛОВЫ: Антычнасць, Сократ Янович, Михал Андросюк, Ян Чыквін, Мира Лукша, класічны метакод, дыялог культур.

Data przesłania artykułu: 3.11.2021

Data akceptacji artykułu: 30.11.2021

ABOUT THE AUTHOR / O AUTORZE

Maria Lamm / Марія Ламм – Rosja, badacz niezależny, specjalność naukowa: literaturoznawstwo rosyjskie; zainteresowania naukowe: literatura białoruska w XX wieku, polsko-białoruskie związki literackie, wielokulturowość, białoruska poezja rockowa.

Adres: Zelenograd 449-78, Moskwa, Rosja.

Wybrane publikacje (2020–2021):

1. Ламм, Мария. (2020). *Развитие белорусской литературы в поликультурном контексте*. «Славянский альманах» 1–2: 501–507.
2. Ламм, Мария. (2020). *Эстетическая двойственность белорусской литературно-критической периодики* (128–132). В: *Литературно-критическая периодика*

в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: структура, типология, социо-культурный контекст. Москва: Институт славяноведения РАН.

3. Ламм, Мария. (2020). *Город и деревня в миниатюрах Сократа Яновича: развитие модели взаимопроникновения*. «Славяноведение» 5: 122–127.
4. Ламм, Мария. (2021). *Историческая персонификация (литераторы) в творчестве А. Чобата (521–524)*. У: *Традиції і сучасні стан культури і мистецтва*. Збірник наукових артикаул. Вып.2. Мінск: Права і эканоміка.
5. Ламм, Мария. (2021). *Белорусский рок без границ: в поисках идентичности (319–325)*. В: *Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов*. Вып. 21. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет.